

siehe Rückseite

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КНИГА ПЕРВАЯ
ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

НОВОСИБИРСК
1929

ПОДПИСКА
1929 год
НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДО-
ЖЕСТВЕННЫЙ и НАУЧНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СИБИРСКИЕ ОГНИ

(Под редакцией: А. Ансона, В. Итина,
А. Оленич-Гнененко)

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

В ЖУРНАЛЕ УЧАСТВУЮТ

**ЛУЧШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СИЛЫ СИБИРИ**

Условия подписки: На 1 год — 6 рублей,
на полгода — 3 руб. 25 к. (с пересылкой). Цена
отдельн. номера в розничн. прод. 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: в конторе журнала —
Новосибирск, Красный пр., 25, Сибкрайиздат.

В книжных магазинах СИБКРАЙИЗДАТА: в Ачинске,
Барнауле, Иркутске, Камне, Канске, Красноярске, Ленинске-
Кузнецком, Ленинске Омском, Минусинске, Новосибирске,
Омске, Рубцове, Славгороде, Таре, Томске, Тулуе, Черем-
хово, Щегловске.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ

Лубянский пассаж, помещение 47.

1905 г. в Манчжурии

(Воспоминания о подпольной работе в тылу Манчжурских армий)

I.

Мне приходилось писать о работе нелегальных парт. организаций в Сибири в журнале «Пролетарская Революция» в связи с выходом в свет сборника Дальистпарта «Революционное движение в 1905 г. на Дальнем Востоке» («Пролет. Революция» № 4 за 1926 г., ст. «Большевики и меньшевики в 1905 г. на Дальнем Востоке»). Я старался тогда по имеющимся у меня документам и личным воспоминаниям восстановить правильную характеристику состояния нашей партийной работы и партийных организаций в 1905 г. на Дальнем Востоке, где в то время была сконцентрирована огромная царская армия и где поэтому работа наших партийных организаций имела особо важное революционное значение. Эта характеристика была совершенно искажена в названном сборнике Дальистпарта, авторы которого, не располагая необходимыми историческими документами или некритически относясь к ним, окрестили всех меньшевиков, работавших в 1905 г. на Дальнем Востоке, большевиками. Так, большевистским оказался в названном сборнике Благовещенский комитет РСДРП, позиция которого на самом деле была ультра-меньшевистской. Большевистским же оказался Харбинский комитет РСДРП, правый меньшевизму, которого выпирал из всех пор. Вся борьба большевиков и меньшевиков между собой, носившая порой очень острый характер, оказалась совершенно затусованной. Если бы будущий историк нашей партии положился на характеристику партийной работы в 1905 г. на Дальнем Востоке, как она представлена в сборнике «Революционное движение в 1905 г. на Дальнем Востоке», то он должен был бы подумать, что никаких разногласий между большевиками и меньшевиками в 1905 г. на Дальнем Востоке не было. Я показал в своей первой статье на эту тему, что это далеко не так, что разногласия между большевиками и меньшевиками носили тогда порой не менее острый характер, чем 12 лет спустя, перед Октябрьской революцией. В настоящее время в моих руках находится документ, который служит прекрасным подтверждением сказанному. Документ этот представляет собой информационное письмо Харбинского меньшевистского комитета РСДРП, посланное 6 декабря 1905 г. комитету Сибирского союза РСДРП. Письмо это было, повидимому, перехвачено жандармским управлением и сохранилось в его архиве (Подлинник письма находится в Центроархиве).

Так как упомянутый в этом письме Михаил Кузьмич Орлов есть автор этих строк, работавший тогда на нелегальном положении по паспорту Орлова*), то я и считаю

*) Имея нелегальный паспорт на имя Орлова, я на широких собраниях выступал под фамилией Иванова, поэтому под этой фамилией меня знала и местная полиция и военные власти, предпринимавшие неоднократные попытки арестовать меня.

шенный съезд совершенно отчетливо видно, что ни группа, ни съезд не мыслили себе возможным захват власти без помощи армии. Казалось бы, при этом условии совершенно естественно, что в состав так называемых стачечных комитетов должны были войти и представители от солдат.

Я написал в своей статье о большевиках и меньшевиках в 1905 г. на Дальнем Востоке («Пролет. Рев.» № 51), что отсутствие в резолюции съезда упоминания в числе представителей стачечных комитетов, представителей от солдат было просто «недоразумением». Вряд ли, однако, это объяснение верно. Я склоняюсь в настоящее время к тому, что дело было в данном случае вовсе не в «недоразумении», а в **незрелости, в смутности еще самой идеи советской власти**, которая носилась в горячем пылающем революционном 1905 г. Очень возможно, однако, и даже вероятно, что в дальнейшем ходе событий, если бы им суждено было развиваться в том направлении, как мы предполагали, ошибка Харбинского рабочего съезда и нашей партийной группы была бы направлена под влиянием опыта других революционных центров Сибири (Чита, Красноярск): где из стачечных комитетов выросли уже **советы рабочих и солдатских депутатов**.

Во всяком случае революционная роль армии в предполагавшемся захвате власти Харбинской группы и рабочим съездом очерчена совершенно отчетливо. В специальной резолюции съезда о **пропаганде в войсках** говорится:

«Признавая, что успешность революционной борьбы с правительством во многом зависит от большего или меньшего сочувствия солдатских масс восставшему народу вообще; что, в частности, революционное настроение Манчжурской армии должно решительным образом повлиять на весь ход политических событий в России, направляя их в сторону окончательной победы над царизмом; что проведение необходимых мер в этом направлении (революционный захват власти на линиях) будет прочным только при поддержке со стороны вооруженной силы войск,—съезд считает необходимым, путем устройства митингов, собраний, путем листовки и устной агитации, обнаружить перед войсками истинную причину замедления отправки их на родину и необходимости скорейшей перевозки их туда с **оружием в руках на защиту народа**. Пропагандируя революционные социал-демократические идеи вообще, съезд рекомендует Харбинской группе РСДРП немедленно же приступить к **революционной организации солдатских масс**».

Как видно из этой резолюции, и наша группа и рабочий съезд отдавали себе совершенно ясный отчет в том, что захват власти может осуществиться только при поддержке армии. Съезд поставил поэтому задачу—«приступить к революционной организации солдатских масс». Тут, казалось бы, естественно было выкинуть лозунг «**советов солдатских депутатов**». Ни съезд, ни наша группа этого, однако, не сделала. Это обстоятельство несомненно свидетельствует о слабости организационных представлений нашей группы и съезда о том, в какие же формы должна вылиться «революционная организация солдатских масс», о которой говорится в приведенной резолюции съезда.

VII.

Решением рабочего съезда и замыслам Харбинской группы большевиков не суждено, однако, было претвориться в жизнь.

Объективно, мне кажется, была возможность поднять восстание в армии и захватить власть, но для этого мы не успели провести необходимую организационную подготовку. Основная слабость всего революционного движения на Востоке заключалась в том, что не хватало организаторских и пропагандистских кадров, с помощью которых можно было бы овладеть стихийным движением масс. Горючего материала было много. Настроение в армии было таково, что можно было легко поднять на восстание солдатскую массу и повести ее с оружием в руках на твердыни самодержавия в России. Но обязательным условием при этом было организационное овладение всем движением.

Как видно из резолюций рабочего съезда, местная большевистская организация принимала к этому все возможные меры, но она сама была еще слаба для того, чтобы организационно удовлетворить все запросы масс. В силу крайнего недостатка организаторских сил дело проведения в жизнь намеченных на съезде решений у нас подвигалось медленно. Получить необходимую помощь работниками извне нам не удалось.

События революционной борьбы в декабре 1905 г. шли с такой головокружительной быстротой, что в деле подготовки восстания огромное значение имел каждый день. Огромная царская армия, сконцентрированная на полях Манчжурии, не могла долго оставаться в том состоянии дисциплинарного полуразвала, в которое ее привели октябрьские «свободы». Высшие военные власти это хорошо понимали и принимали все меры к тому, чтобы овладеть огромным организмом армии, начавшим дисциплинарно разлагаться.

В декабре месяце 1905 г. вопрос по отношению к армии стоял так: или в ней возобладает революционное настроение, и она восстанет против военного начальства и всех царских властей, или военные власти восстановят пошатнувшуюся дисциплину и задуют революционный дух в армии. С нашей стороны нужна была величайшая решительность и натиск, чтобы вырвать солдатскую массу из рук военных властей, поднять ее на восстание и обратить ее оружие против всего самодержавного строя. В силу крайней своей организационной слабости мы упустили драгоценное время.

Тем временем в центре России события складывались неблагоприятно для революционного движения.

В декабре месяце в Москве было подавлено вооруженное восстание московского пролетариата. Это сразу окрылило надежды царского правительства на успешность дальнейшей борьбы с революцией.

На революционную Сибирь был брошен карательный поезд Меллер-Закомельского, главнокомандующему манчжурскими армиями ген. Линевичу было приказано сформировать карательный поезд во главе с ген. Рененкампом для подавления революционного движения на Востоке.

Мы были застигнуты врасплох прибытием в Харбин с фронта карательного поезда ген. Рененкампа. Я помню, как поздно ночью, в начале января, к нам в группу в районе жел.-дор. мастерских, где находился наш главный партийный штаб, прибыли рабочие Харбинского ж.-д. депо и сообщили, что на вокзале стоит поезд ген. Рененкампа с оренбургскими казаками, предназначенный для карательной экспедиции по линии Восточно-Китайской и Забайкальской жел. дор. Мы спешно отправились на вокзал, чтобы совместно с рабочими обсудить, какие меры возможно предпринять для воспрепятствования выезду Рененкампа. Но тут полностью выяснилась наша организационная слабость. Мобилизовать спешно ночью нашу вооруженную рабочую дружину мы не могли, а поезд Рененкампа уходил через 2-3 часа. Оставалось рассчитывать на силы деповских рабочих. В депо работали мобилизованные рабочие, у которых на руках были винтовки. На экстренном ночном собрании в депо рабочие предложили напасть врасплох на поезд и перебить всех начальствующих лиц. Но это была явно рискованная затея, успех которой могла бы обеспечить только поддержка местного гарнизона. Оренбуржцы, конечно, оказали бы сопротивление рабочим, так как казачий отряд поезда Рененкампа был укомплектован самыми надежными элементами, еще совершенно нераспропагандированными. Что касается местного гарнизона, так в состав его входили также главным образом казаки, которых было расквартировано в Харбине около 30 тыс., при чем состав их постоянно менялся, и у нас не было с ними постоянной связи и налаженной пропагандистской работы.

Бюро группы не решилось поэтому одобрить предложение рабочих о нападении на поезд Рененкампа, так как это могло кончиться полным разгромом со стороны казаков рабочих и всей нашей организации. Застигнутые врасплох, мы оказались бессильными воспрепятствовать выезду поезда Рененкампа на линию ж. д. Это решила

в дальнейшем всю судьбу нашей подготовки к восстанию. Инициатива в нападении была выхвачена военными властями из наших рук. Мы не успели подготовиться к нападению, как на нас напали.

В самом Харбине военные власти тылового штаба армии пока не предпринимали, однако, никаких мер к открытому нападению на рабочих и нашу организацию. До 10 января, когда район жел.-дорожн. мастерских был подвергнут военной осаде, у рабочих не производилось ни обысков, ни арестов. Власти вообще не показывались в рабочий район. За мной усиленно охотились только шпикеры, стараясь застигнуть меня где-нибудь вне рабочего района.

9-го января, в годовщину расстрела интеллигентских рабочих, наша группа решила устроить вооруженную демонстрацию рабочих, чтобы прощупать «ситуацию». Утром 9-го января, перед выходом на демонстрацию, был проведен большой открытый митинг в мастерских, на котором присутствовали почти все рабочие района. Митинг прошел совершенно свободно. Во всем районе не было еще ни одного полицейского. На демонстрацию вышла, однако, сравнительно небольшая группа рабочих, человек в 300, вооруженных трехлинейками, с большим красным знаменем партийной организации. Это были почти исключительно наши партийные рабочие. Мы хотели пройти по всему городу, но за чертой рабочего района нас встретили казаки, окружившие весь район жел.-дор. мастерских. Командовал войсками ген. Фок. Против рабочих были выставлены пулеметы и даже несколько орудий. Мне пришлось вести от имени демонстрантов переговоры с ген. Фокком. Я настаивал, чтобы демонстрация была пропущена в город, заверив генерала, что мы не преследуем никаких «агрессивных» целей. Фок в свою очередь упрямился демонстрацию не вынуждать его прибегнуть к оружию, что он, как солдат, имеет категорический приказ не пропускать демонстрацию в город. Положение было совершенно ясное: сила была не на нашей стороне, хотя выставленные против рабочих казачьи части никакой «агрессивности» еще не проявляли, не решаясь даже войти в рабочий район. В этот день их задача ограничивалась тем, что они не выпускали демонстрацию рабочих в город. Отдельным рабочим, однако, свободно разрешалось проходить в город.

День 9-го января прошел спокойно, но воинское окружение рабочего района не было снято на ночь. Очевидно, военные власти имели в виду приступить к разоружению рабочих и ликвидации нашей организации. Вечером 9-го января свободный выход из рабочего района в город был прекращен. Казачьи жордоны, окружившие весь район жел.-дор. мастерских, стали проверять всех, кто выходил из района и входил в него. Мне удалось с документами нашей группы в тот же день уйти из района и укрыться на конспиративной квартире. Утром 10-го я получил известие от хозяина квартиры, что у рабочих начались повальные обыски: ищут оружие Иванова, руководителя парт. организации, будучи уверены, что Иванов скрывается у рабочих. В тот же день были арестованы три члена бюро нашей группы—рабочие Оборин, Шабашев и Кузнецов, как руководители нелегального профсоюза транспортных рабочих. Арестован был также заведующий железнодорожной больницей доктор Чакки, заподозренный в моем укрывательстве. К счастью, никто из активных членов группы, кроме меня, работавшего на нелегальном положении под фамилией Иванова, не был известен ни военным властям, ни жандармам. Поэтому арестованные члены бюро группы т.т. Оборин, Шабашев и Кузнецов были привлечены к суду только по работе в профсоюзе и отделались несколькими годами тюремного заключения. Доктору Чакки, сколько мне известно, удалось скрыться в Японию. Большинство рабочих активистов вынуждены были бежать из Харбина. Таким образом, разгром нашей организации нам обошелся сравнительно дешево. Мне пришлось в течение нескольких дней отсиживать от усиленных поисков жандармов и военных властей на конспиративной квартире, пока счастливый случай не помог мне бежать из Харбина.

Один из моих знакомых рабочих-партийцев приехал с теплушкой со станции Манчжурия в Харбин за вагонными колесами и другими запасными частями. Мои товарищи воспользовались этим случаем, чтобы «погрузить» меня вместе с колесами в теплушку и отправить из Харбина, где меня ожидал «скорый» военный суд и расстрел.

В теплушке моего знакомого товарища я благополучно доехал до ст. Манчжурия, откуда в качестве кочегара на паровозе добрался до Читы.

На ст. Манчжурия я узнал, что за несколько дней до моего приезда там был ген. Рененкамф и захватил работавшего в нашей Манчжурской организации в качестве партийного профессионала тов. Иннокентия Попова (нелегальная фамилия Коновалов). Тов. Попов был расстрелян на ст. Борзя.

В Чите я застал военное положение, введенное Рененкамфом, и разгром всей нашей партийной организации, хотя из комитетчиков был арестован Рененкамфом один только т. Костюшко, остальным всем удалось скрыться. Большинству партийных рабочих в Чите, так же, как и в Харбине, пришлось бежать, чтобы не попасть в лапы карателя. Читинской организации, однако, удалось скоро оправиться от разгрома и снова восстановить нелегальную партийную работу. Одновременно со мной в Читу приехал из Иркутска т. Н. Н. Баранский, который был поражен, встретив меня на конспиративной квартире, так как в Иркутске все наши товарищи были уверены, что я расстрелян.

Мы приступили с Баранским к налаживанию партийной работы в Чите. Еще до отъезда из Читы ген. Рененкамфа нам удалось выпустить несколько нелегальных листовок.

От бурных дней октябрьских «свобод» 1905 г. мы снова вернулись к тяжелым однообразным будням.